

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ХРОНОГРАФИИ XVII в.

В. И. Буганов, автор книги, посвященной отечественной историографии русского летописания, заключая свою работу, пишет, в частности: «В изучении такой важной составной части истории русского летописания, как переводная и русская хронография, приходится с сожалением констатировать явный недостаток исследований» — и далее добавляет: «До сих пор не произведен учет того огромного числа хронографических памятников, которые разбросаны по многочисленным хранилищам, собраниям нашей страны».¹ Сказанное особенно справедливо в применении к хронографии XVII в. После вышедшего уже более ста лет назад труда А. Попова «Обзор хронографов русской редакции», в котором нарисована картина развития всей русской хронографии, включая и XVII в.,² специальные исследования, касающиеся хронографии этого периода, почти не появлялись.³ Естественно, что созданию их должны предшествовать выявление и изучение еще не учтенных списков хронографов.

На один интересный список Хронографа — ГИМ, Музейское собрание № 1150 — обратил внимание М. П. Тихомиров. Он остановился на содержании летописных записей последней части Хронографа (некоторые записи опубликовал) и высказал предположение о том, что записи сделаны, видимо, на Севере, в Вологде.⁴ В настоящей статье мы попытаемся расширить наблюдения Тихомирова и изложить некоторые соображения о Музейском хронографе, в частности о находящихся в конце его (в главах о царствованиях первых трех царей из династии Романовых) летописных записях, среди которых находятся весьма редкие известия.

Музейский хронограф представляет собой рукопись в 1^о, на 557 листах, с филигранью «Герб Амстердама» (у Хивуда № 392—1691 г.⁵), писанную полууставом конца XVII в., одним почерком, в переплете из досок, обтянутых кожей. На л. 556 запись почерком XIX в.: «1845 года сию историю купил сего числа, заплатил 5 руб [лей] ассигнациями мещанин Ненакоцкого посаду Василей Климентов Скребцов и подписал своеручно». На обрывке листа, подклеенном к обороту верхней доски переплета, почерком конца

¹ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 324.

² Попов А. Обзор хронографов русской редакции, в. I—II. М., 1866—1867.

³ См. соответствующие разделы книги В. И. Буганова.

⁴ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 148—153. — Летописные записи о царствованиях Михаила Федоровича и Алексея Михайловича из Хронографа Музейского собрания № 1150 опубликованы полностью в 37-м томе ПСРЛ (Л., 1982).

⁵ Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum (Holland), 1950.

XIX—начала XX в. карандашом написано: «Близка к Рум. № 457. III разр. 3-й ред. Хроногр.».

Наблюдение неизвестного читателя о соотношении хронографов Музейского собрания № 1150 и Румянцевского собрания № 457 подтверждается их сопоставлением. Румянцевский хронограф⁶ не сохранился полностью. Изложение в нем доведено до 186-й главы «О боярском державстве Московского государства» и обрывается на статье «О новом лжецаре». В Музейском хронографе, напротив, недостает начала: его текст начинается с середины 98-й главы «О Феодосие царе». Заканчивается Музейский хронограф 189-й главой «Царствование... Федора Алексеевича», статьей о Чигиринских походах, завершающейся известием о приходе царских и запорожских войск к Киеву в 1679 г. В сохранившихся общих частях оба хронографа — и Музейский, и Румянцевский — по составу действительно близки.

Однако, несмотря на отмеченную близость, Музейский хронограф отличается как от Румянцевского хронографа, так и от других списков третьего разряда третьей редакции Хронографа: по сравнению с Румянцевским хронографом состав Музейского сокращен, в нем отсутствуют также характерные для списков третьего разряда третьей редакции в целом три извлечения из «Космографий» Г. Меркатора и других авторов.⁷ Сделанные наблюдения побуждают поставить вопрос, не является ли Музейский хронограф особой обработкой хронографа, возникшей в начале 80-х гг. XVII в. (поскольку текст его кончается 1679 г.). К этому вопросу мы вернемся еще раз, а пока обратимся к интересующим нас летописным записям окончания Хронографа.

187-я глава Музейского хронографа — Царствование Михаила Федоровича — состоит из повестей и сказаний, перемежающихся с летописными записями, 188-я глава — царствование Алексея Михайловича — включает только летописные записи, 189-я глава — царствование Федора Алексеевича — заполнена рассказами о Чигиринских походах.

В летописных записях преобладают общерусские известия: о внешней политике (события конца польско-шведской интервенции, русско-польская война 1632—1634 гг., русско-шведская война 50-х гг., война с Польшей 1654—1667 гг., события на Украине после Андрусовского перемирия), о внутренней, преимущественно финансовой, политике, о восстаниях (восстание в Москве в 1648 г., крестьянская война под руководством С. Разина, Соловецкое восстание), о церковной истории (поставления и смерти патриархов, суд над Никоном), о событиях в царской семье (браки и смерти ее членов), о строительстве, главным образом церковном и монастырском, о пожарах и различных стихийных бедствиях.

⁶ Описание Хронографа см.: Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 761—772.

⁷ Характеристику третьего разряда третьей редакции Хронографа см.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции, в. II, с. 198—199.

Большинство этих известий встречается в других летописях XVII в., но, как мы уже говорили, среди них есть известия и редкие. К ним относятся записи, рисующие роль при царе Алексее Михайловиче боярина Б. И. Морозова, а также освещающие финансовую политику правительства в 40—60-е гг. XVII в.

Общеизвестен факт огромного влияния на молодого царя его воспитателя Б. И. Морозова, являвшегося фактическим руководителем правительства в первые годы царствования Алексея Михайловича. Об этом со всей определенностью писали иностранцы, бывавшие в России в середине XVII в. А. Олеарий сообщал, что воспитатель царя Морозов «пользовался большим расположением и почетом у молодого царя, так что произвольно правил вместо него государством». А. Мейерберг отмечал: «Этого отрока (Алексея Михайловича. — *Н. К.*) отец поручил боярину Б. И. Морозову для обучения добрым нравам и наукам... Однако ж хитрый наставник Морозов, державший по своему произволу скипетр, чрезвычайно еще тяжелый для рук юноши, по обыкновенной предосторожности любимцев, отправил всех бояр, особенно сильных во дворце расположением покойного царя, в почетную ссылку, на выгодные воеводства» и посадил на их место, на придворные должности, своих сторонников. Оба автора согласно подчеркивали, что, для того чтобы еще сильнее привязать к себе царя, Морозов устроил браки царя и свой с сестрами Милославскими.⁸

Насколько нам известно, в русских источниках известия об отношениях между Алексеем Михайловичем и Морозовым встречаются нечасто. Во всяком случае сведения об этом исследователи всегда черпают из сочинений иностранцев. Неполноту русских источников восполняют летописные записи Музейского хронографа.

В Хронографе под 1645 (7153) г. описывается передача власти умирающим Михаилом Федоровичем своему наследнику Алексею Михайловичу: почувствовав приближение смерти, Михаил Федорович созвал своих бояр и весь «сигклит полаты своея»; в их присутствии умирающий царь «приказывает сына своего государя и царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в самодержательстве его наставляти во управлении царского его величества и умудряти во всяком благоприятельстве и снабдевати того жь своего царского величества от сигклита боярину Борису Ивановичу Морозову, видяще бь его во всем смысла и разумна и яко могуща управити всего Российскаго государства державства. Он же, боярин Борис Ивановичь, по приказу великого государя, с ним, государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа России, во управлении в по-

---

⁸ Олеарий А. О состоянии России в царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. [СПб., 1861], с. 108—109; Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. М., 1874, с. 111—112.

лате царского его величества днем и ночью быв безотступно» (л. 526—526 об.).⁹

Под 1648 (7156) г. после известия о браках с сестрами Милославскими царя и Б. И. Морозова в Хронографе читается следующее сообщение: «И вознесесь боярин той Борис Иванович Морозов, и сотвори себе ризу багряну, подобну царстей багряницы, токмо различие учини от царские багряницы: на оплечии своем, что у тоя ризы, яко на стихаре диаконьстем, учини четвероуголно, высажено жемчюгом и камением драгим яко оплечие стихаря диаконского, кругом же тоя ризы по полам и по подолу жемчюгом же высажено; и восхоте быти яко же Иосиф во Египте, и не бысть, но народного ради волнения»; далее следуют лаконичные известия о восстании в Москве и высылке Б. И. Морозова в Кирилло-Белозерский монастырь (л. 529 об.—530).

В приведенных известиях очень ярко показано всевластие Б. И. Морозова, который «во управлении в полате царского его величества днем и ночью быв безотступно», подчеркивается неограниченное честолюбие временщика, правильно указывается, что причиной падения Морозова явилось народное восстание.

Интересна параллель с Иосифом. История об Иосифе была популярна в Древней Руси. Русские люди знали ее по библейскому рассказу,¹⁰ существовал апокриф об Иосифе,¹¹ наконец, в 1675 г. в придворном театре Алексея Михайловича была поставлена пьеса пастора Грегори «Малая прохладная комедия об Иосифе».¹² Во всех трех вариантах истории об Иосифе сообщается, что благодаря своим добродетелям Иосиф вошел в такое доверие к фараону, что стал фактическим правителем страны. В библейском рассказе и в пьесе читается также (отсутствующий в апокрифе) эпизод о том, как отец в знак любви к Иосифу велел «сотворить ему ризу красну».¹³ В записях нашего Хронографа о Б. И. Морозове обыграны оба момента: Морозов стремился, подобно Иосифу, стать полновластным правителем страны; он «сотворил себе ризу багряну» (аналог «красной ризе»), чтобы уподобиться царю. Надо думать, что параллель с Иосифом составитель записей Музейского хронографа заимствовал из Библии, являвшейся для древнерусского человека наиболее читаемой книгой.

Использование автором записей литературного источника для придания своему рассказу большей красочности свидетельствует о наличии у него известного литературного мастерства. Об этом

⁹ Здесь и далее в тексте в скобках указываются листы Хронографа Музейского собрания № 1150.

¹⁰ Библия. М., 1663, Книга «Бытия», гл. 37 и 39—45.

¹¹ Тихонов Н. Памятники отреченной русской литературы, т. I. СПб., 1863, с. 213—225.

¹² Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 93—114.

¹³ Книга «Бытия», гл. 37; Русская драматургия..., с. 94.

же говорит и указание на «безотступное пребывание», днем и ночью; Б. И. Морозова в царских палатах с целью руководства царем в управлении государством. Это указание является гиперболой (Морозов не мог круглосуточно находиться при царе), введенной для усиления воздействия на читателя.

Для летописного продолжения Музейского хронографа характерен также, как мы указывали, интерес к финансовой политике. В нем содержатся известия о всех важнейших мероприятиях правительства Алексея Михайловича в этой сфере государственной жизни: о введении налога на соль в 1646 г. и его отмене через два года, о таможенном уставе 1653 г., установленном со всех товаров единую пошлину в размере 10 денег с рубля (5%) взамен ранее существовавших различных мелких пошлин, наконец, о денежной реформе. О последней сообщается, что в 1654 г. царь указал чеканить новые серебряные рубли и рублевые четверти, а затем чеканить мелкие медные деньги «противу серебряных мелких денег», т. е. с приравнением курса первых курсу вторых (л. 529—531).

Особенно интересно известие об отмене медных денег. Сообщается, что 15 июня 1663 г. царь указал «медными денгами не торговати, а торговати впредь серебряными денгами», и далее излагаются отрицательные последствия обращения медных денег, явившиеся причиной их отмены: «А ходили те медные денги лет съ 7 мятежно, потому что во многих городех те медные воровские делали денги, утаяся великого государя указу, воровские люди». Выпуск «воровскими людьми» «воровских медных денег» привел к их обесценению: если в 1660 г. с марта по сентябрь за серебряный рубль давали 1 рубль 8 денег медными деньгами, то с сентября 1662 г. по июнь 1663 г. за серебряный рубль давали по 10 и по 15 руб. медных денег. Обесценение медных денег вызвало стремление к накоплению серебряных денег и утечку их из обращения. Все это обусловило необычайный рост цен на товары и продукты и бедственное положение населения (л. 531 об.—532).

В рассказе Музейского хронографа о медных деньгах использованы официальные документы. Так, данные о падении ценности медных денег по сравнению с серебряными представляют собой сокращенный вариант сведений, имеющих в указе царя от 15 июня 1663 г. (в царский указ они были внесены на основе «сказок», поданных старостами «Московских разных рядов» и торговыми людьми).¹⁴ Объяснение падения стоимости медных денег выпуском фальшивомонетчиками «воровских» медных денег также заимствовано из правительственных документов.¹⁵ Ха-

¹⁴ О взимании таможенных пошлин всяких других доходов серебряными деньгами. — I ПСЗ, т. 1, № 339.

¹⁵ Такое объяснение читается в Окружной грамоте царя Алексея Михайловича в Туринск воеводе М. Трегубову от 8 июля 1663 г. — СГГД, т. IV, М., 1828, № 33. См. также: Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, с. 71—72.

рактарно, что это объяснение не дополнено указанием на «медный бунт» 1662 г., явившийся одной из причин, побудивших правительство пересмотреть свою политику в сфере денежного обращения. Составитель летописных записей стоял на официальных позициях.

Наличие в Музейском хронографе уникального рассказа о Морозове и сравнительно редко встречающихся в летописях известий о финансовой политике правительства Алексея Михайловича придает нашему Хронографу значительную ценность как историческому источнику.

Насколько нам известно, рассказ о медных деньгах и их отмене читается еще в трех летописных памятниках — собрания Забелина № 261, Музейского собрания № 2159 и Рукописной библиотеки б. Архива Министерства иностранных дел № 22/27. Л. В. Черепнин, занимавшийся этими памятниками в своей работе о летописании XVII в., определил первый из них как созданный в Новгороде обширный свод, последнюю часть которого составляет особый извод Нового летописца, доведенный до 1679 г.; два других памятника представляют, по мнению Черепнина, указанный извод в чистом виде без предшествующего обширного летописного текста. Черепнин показал, таким образом, что начало 80-х гг. является рубежом в развитии летописания и (если принять точку зрения М. Н. Тихомирова, считавшего, как нам кажется, справедливо рукопись Забелинского собрания № 261 хронографом¹⁶) хронографии. Отличительным признаком перечисленных летописных памятников, отражающих свод начала 80-х гг., является завершение их текстов повествованием о Чигиринских походах, заимствованным из «Синописа» редакции 1680 г. (ссылка на это заимствование есть в рукописи собрания Забелина № 261).¹⁷

Хронограф Музейского собрания № 1150, в котором изложение также доводится до 1679 г., завершается тем же, что и в указанных произведениях, повествованием о Чигиринских походах. Близки к рассказу этих произведений и известия нашего Хронографа о медных деньгах. Оба наблюдения увеличивают степень вероятности высказанного нами выше предположения о том, что Музейский хронограф представляет собой особую обработку хронографа, возникшую в начале 80-х гг. XVII в. Эта обработка, как и выявленные Л. В. Черепниным памятники, была связана, по-видимому, со сводом начала 80-х гг., существование которого установил исследователь. Естественно, что наши предположения не выходят за рамки начальной гипотезы, доказать ее правильность можно только в результате текстологического изучения всех четырех памятников. Но это в задачи настоящей статьи не входит.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 273—323.

¹⁷ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания). — Истор. записки, 1945, т. 14, с. 119—127.

Свою окончательную обработку текст Музейского хронографа получил в Вологде. Из числа его известий, относящихся к XVII в., шесть являются северными, причем четыре из них специфически вологодскими. Перечислим их: известие 1613 (7121) г. о приходе к Вологде поляков, 1619 (7127) г. о бесчинствах поляков в Спасо-Прилуцком монастыре, 1651 (7159) г. о возведении игуменов Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей в сан архимандритов, 1655 (7163) г. о постройке в Вологде «единодневного храма» Спаса Смоленского, 1663 (7171) г. о «знамени» в селе Новые Ерги вотчины Кирилло-Белозерского монастыря — падении там метеорита, 1668 (7176) г. о Соловецком восстании и осаде Соловецкого монастыря (последнее известие представляет собой целое повествование). Все эти известия читаются с небольшими текстуальными различиями в Вологодской летописи конца XVII—начала XVIII в.¹⁸ Общим с ее известиями является и ряд общерусских известий летописных записей окончания Музейского хронографа, что также говорит о принадлежности нашего Хронографа к кругу вологодского летописания. В пользу северного происхождения Хронографа свидетельствует и его бытование на Русском Севере, зафиксированное в приведенной выше записи о покупке Хронографа.

Хронограф Музейского собрания № 1150, о котором мы высказали несколько предварительных суждений, является памятником интенсивной летописной работы, ведшейся в Вологде в конце XVII в.

В. М. ПАНЕЯХ

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. А. ЗИМИНА

Исследовательские интересы Александра Александровича Зимина отличались необычайной широтой. Специализируясь в области истории русского феодализма, он охватывал в своих работах практически всю эту эпоху — от зарождения до упадка. Экономическая история, социальные отношения, политическая история, эволюция государственных учреждений, классовая борьба, общественно-политическая мысль, историография — вот неполный перечень основных направлений его ученой деятельности.¹

¹⁸ См.: Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1980, с. 78, 81.

¹ О творческом пути А. А. Зимина см.: Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог. — История СССР, 1980, № 6, с. 152—157; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин. Уче-